

Глава 1

— Аносов готов служить. Если только ему доверяют. Если вы гарантируете, что никаких проблем по известным обстоятельствам не будет. Он все еще доверяет вашему слову...

— Карпов, ну я же тебе сказал — это был эксцесс исполнителя! — досадливо поморщился Семичастный. — Я не отдавал приказа на захват! Виновные в этом инциденте понесут наказание! И уже понесли!

— Виновные? — Я скривил губы. — Или виновный? Эти-то ребята причем? Из группы захвата! Кстати сказать, они профессионально вели нас, да так, что мы и не заметили слежки. А то, что не смогли взять Аносова... так куда им до него? Щенята против волкодава!

Семичастный усмехнулся, будто что-то вспомнил, но тут же сбросил улыбку и посерьезнел:

— Он может найти кого-то из своей старой группы?

— Уже нашел. Трех. Остальных надо разыскивать по архивам, они выпали из поля зрения. Но эти трое — основные, его личная группа. Были еще двое, но... погибли. Случайность. Бытовуха. Одного застрелили на охоте — пьяный придурок палил по всему, что движется. Принял за лося. Второй попал в катастрофу — пьяный водитель самосвала с кирпичом. Судьба... она такая.

— Да, она такая, — кивнул Семичастный. — Пули не убили, а тут... ладно, трое, это уже хорошо. Твоя... хмм... дача уже строится, процесс запущен. Днем и ночью работают, как рабы на строительстве пирамид! За две недели не управимся, сам понимаешь — ты задал такой объем работ, о котором и не думали. Но за месяц, я думаю, справимся.

— Хорошо, если за месяц, — кивнул я. — Буду очень удивлен, если за месяц. А что насчет арсенала? Сделаете?

— Сделаем. На твою ответственность и под строгий учет. Кстати, личное оружие не хочешь получить?

— А зачем оно мне? У меня уже есть личное оружие. Сто девяносто сантиметров роста. — Я усмехнулся, и Семичастный понял:

— Как она? Справляется? Претензии есть?

— Еще как справляется! — улыбнулся я. — Попрошу вас, если можно... пусть она останется со мной? И когда я в Америку поеду — тоже. Английским она владеет не хуже меня, французским, вьетнамским, португальским. И вообще — просто красавица!

— Неужто запал на нее? — хохотнул Семичастный. — Гарем у себя там устроил? А как же твоя Ольга?

— Я с Настей не сплю, — пожал я плечами. — Она ценный работник, как и Ольга. И, кстати, женщина-телохранитель меньше всего привлекает внимание... даже если она такого роста и таких статей. Никто не может подумать, что это боевик, вооруженный до зубов. Тут, в Союзе, я никакой опасности не вижу, а вот в Штатах она мне здорово пригодится. Опять же — кто-то ведь должен вам стучать на меня? Будете Ольгу терроризировать, требовать освещать мою деятельность,

она будет нервничать, а тут — готовый агент под боком подозрительного Карпова! Разве плохо?

— Циник. Ты наглый циник! — поморщился Семичастный. — Вот уверен, что твое начальство в двухтысячных годах тебя не любило! Язык, как помело!

— А меня не надо любить, — холодно бросил я. — Меня надо ценить. И не обманывать. И я никогда не обману и не подведу. Как там говорится? Точность — вежливость королей. Тут еще какой вопрос... о презренном металле. Аносов спрашивает — что обещать людям, какие блага. У них семьи, дети. Им — зачем это все? Людям, как и Аносову — уже по пятьдесят лет. Что им сказать?

— Всем — квартиры в Москве, — не задумываясь, ответил Семичастный. — В новых домах. Двойное жалование плюс премии. Повышение в звании на одну ступень. Фонд для премий — в руках Аносова. Туда положим хорошую сумму и будем ежемесячно пополнять. Снаряжение — любое. Вооружение — любое! Каждому по автомобилю «Волга». Их задача — обучать и обучаться. Ты обучаешь их тому, что знаешь, они обучают курсантов. Они будут инструкторами. Но... действующими инструкторами. Если понадобится — и они будут работать. Но главное — пусть обучают курсантов.

— Откуда курсанты? Кто это будет? И вообще — какова структура отдела «Омега» и какое место в нем буду занимать я лично и Аносов в частности? Хотелось бы понять.

— Ты начальник базы — до тех пор, пока в этом не отпадет необходимость. Ты обучаешь Аносова и инструкторов тому, что знаешь. Если, конечно, тебе есть чему их обучить. Но я думаю — есть. Аносов — на-

чальник отдела. Трое найденных им сотрудников — его заместители и инструктора. Он сам определит, кто чем будет заниматься. Аносов подчиняется мне и Шелепину — по старшинству. Больше никому. Когда ты уедешь в Америку, Аносов останется командовать базой вместо тебя.

— Дачей! — усмехнулся я.

— Дачей, — тоже усмехнулся Шелепин. — Не переживай, построим тебе другую, простую. Если захочешь. Только на кой черт она тебе нужна? С твоим домом в Монклере и твоей виллой в Ньюпорт-Бич! Настю я за тобой закреплю. Делай с ней что хочешь — она твоя. Твой сотрудник. Кстати, забери — пусть все-таки у вас будет.

Семичастный толкнул по столу четыре красные книжечки, я поймал их, раскрыл. И первое, что увидел — свой портрет в милицейской форме. Прочитал: «Полковник милиции...».

— Это еще что? — удивился я. — Документы прикрытия, что ли?

— Точно, — кивнул Семичастный. — Второе удостоверение стандартное. Мало ли... вдруг пригодятся. Уедешь — оставишь у себя в сейфе. Или сдашь на хранение. Постарайся не размахивать им направо и налево. И вот...

Он достал из папки еще три удостоверения, снова кинул мне — я посмотрел, это были удостоверения Аносова. Полковник милиции и полковник Комитета.

— Кстати, а где вы взяли мои фото в форме? — внезапно понял я.

— Да какая разница... нашли! — усмехнулся Семичастный.

Ну что же... фотожабы здесь не имеется, но есть хорошие фотографии. Почему бы не приделать голову Карпова на плечи какого-нибудь подходящего полковника?

Открыл еще одно удостоверение — Ольга. Уже лейтенант! Быстро растут люди в званиях во время кризиса...

— Передай Аносову все, что я сказал. Обещаю, со своей стороны мы сделаем все, что возможно, чтобы он и его люди не чувствовали недостатка ни в чем. От них — только служба и верность.

— Вы так и не сказали, кто будет курсантами, — напомнил я.

— Двадцать человек, — задумчиво пояснил Семичастный. — Люди подобраны в нашей структуре. Морально устойчивые, не склонные к болтовне, готовые ради отечества на все. В том числе и жизнь свою отдать. Неженатые. Возраст — двадцать пять — тридцать лет. Каждый занимался каким-то из видов единоборств — бокс, самбо. Прекрасно стреляют — в рамках своей службы. Знают один или два языка — английский, французский, немецкий. Офицеры — от старшего лейтенанта до капитана. Приступить к тренировкам могут в любой момент — как только будет построена база. Еще вопросы?

— Да. В столовую — повар, хозяйственная прислуга. На базу — охрана по периметру, пропускной режим. Каждому курсанту, охране и техобслуге — пропуска. Без пропуска — никто не должен войти. Дежурный автобус для вывоза курсантов. Остальное — по мере запуска базы в работу. Пока — все. Как уже сказал — по ходу работы будут еще требования, но сейчас все

есть. Ах да, вот еще что... есть претенденты на замену этим курсантам?

— То есть? — Брови Семичастного поползли вверх. — Какую такую замену?!

— Часть из курсантов отсеется в процессе учебы, — невозмутимо ответил я. — Некоторые окажутся неспособны выполнять учебную программу. Кто-то не подойдет по морально-политическим качествам. А кто-то просто... умрет.

— То есть?! Как это — умрет?! — Семичастный совсем опешил. — Вы что, их убивать будете?

— Будем! — мотнул я головой. — Будут работать в условиях, максимально приближенных к боевым. Стреляем патронами с уменьшенным зарядом пороха, работаем боевыми ножами. Пропустил удар, получил пулю — можно и помереть. Кстати, медпункт мы предусмотрели, и там должен работать фельдшер. Травмы будут постоянно.

— Мда... — Семичастный посмотрел на меня взглядом, в котором читалось уважение. — Вы подходите к делу со всем... хмм... тщанием!

— Меня так учили. В папке, которую я вам передал, содержатся эскизы снаряжения, которое нам необходимо сделать. И срочно. Очень срочно! Это приборы бесшумной стрельбы — такие, какие используются в будущем, в просторечии — глушители. Это разгрузки. Это бронежилеты, каски, ножи и все остальное. Эти вещи можно сделать буквально на коленке мелкими партиями, потому проблем, думаю, не возникнет. Но все это должно быть изготовлено к началу работы базы. Список оружия я вам уже передавал.

— Зачем вам иностранное оружие? Кольты? Снайперские винтовки? М-16?

— Насколько я понимаю, группа не всегда будет работать только здесь, в Союзе. Так что... ну, вы поняли.

— Понял, — кивнул Семичастный. — Хорошо, делаем. Еще что-то?

— Оружейник нужен. Который будет заниматься переделкой нашего оружия и его ремонтом. Чтобы мы всегда могли отвезти ему стволы и в кратчайшие сроки их получить назад. Ну и... патроны! Патроны, патроны, патроны... мы сожжем их столько, что хватит на дивизию! Но это важно. Это самое главное. Патроны боевые и патроны тренировочные — их пометить. Еще вот что... спецсредства. Уверен, в недрах вашей... нашей конторы есть спецсредства, о которых почти никто не знает. Мне нужны яды, мне нужны заряженные иголки, мне нужны «Стрелки».

— Стрелки?! — Семичастный поднял брови. — Откуда ты... ах да, все время забываю, с кем разговариваю.

— Угу, — кивнул я. — Меня ваши коллеги тоже хотели иголкой подколоть... чтобы языком не трепал лишнего. Ниночке дали иголочку. Вот таких иголочек было бы неплохо иметь побольше. И... инструктора — как ими пользоваться. А также — противоядия.

— Мне иногда тоже хочется тебя иголкой подколоть! — проворчал Семичастный. — Все не можешь забыть! Говорю же — не мы отдавали приказ! Брежнев. А его уже нет. Ну... если все у тебя — ходи отсюда! Делай дело. Кстати, как продвигается запись песен?

— Минусовки сделали, завтра начнем голос накладывать. Закончим — будем Ольгу писать. Хочу и Настю привлечь — бэк-вокалисткой.

— Кем?! — не понял Семичастный.

— Бэк-вокалисткой. Ну это если с английского — поющий сзади. То есть один певец поет, другой подпевает.

— Подпевала, в общем, — вздохнул Семичастный и, проведя рукой по лицу, глухо, устало сказал: — Чем я занимаюсь, а? Бэк-вокалистами! Ладно... не забудь — ты поешь на концерте ко Дню Победы. Готовься как следует. Репертуар представишь мне лично — я буду одобрять.

— Репертуар вы уже слышали в записи, — пожал я плечами. — За исключением одного... Я не знаю, как вы отреагируете, но мне хотелось бы это исполнить.

— Что именно? — насторожился Семичастный.

— Гимн. Гимн СССР, но не просто гимн, а в рок-обработке. Мы его сейчас записываем, вернее — уже записали. Осталось наложить голос.

— Что?! Какие слова?! Ты чего? — Семичастный смотрел на меня, как будто я сказал что-то непотребное. — Старый текст?! Со Сталиным?! Категорически — нет! Нас не поймут!

— Вот! — Я достал из кармана листок бумаги, сложенный вчетверо. — Посмотрите. Никаких сталиных, и все в высшей степени патриотично. Сейчас гимн исполняется без слов, а я вам написал слова. У нас он исполнялся по-другому, не было упоминания Ленина и партии. Тут — есть. Но вот на обратной стороне уже тот текст, что в гимне в моем времени. Ритм исполнения не такой торжественный, в ритме рока. Молодежи очень понравится, уверен!

— Прочитаю! — Семичастный взял листок, разглядел, положил в папку. — Иди! И подготовь записи песен — я прослушаю, что у вас там получилось.

Он встал и пошел к своему креслу. Я тоже встал, собрал со столика удостоверения, рассовал их по карманам. Все, можно идти.

— До свидания, товарищ Председатель!

— И тебе не хворать, — рассеянно откликнулся Семичастный и больше уже не обращал на меня внимания, погрузившись в чтение бумаг. Я же вышел из кабинета и уже без сопровождения пошел по знакомому коридору Конторы. Теперь я здесь был «свой», и мне не требовалось пропуска, не требовалось провожатого.

Мимо охранника на посту у выхода, и на улицу, к Железному Феликсу. Проходя мимо него, отдал честь: «Салют, Феликс!» Пока истукан стоит — Советский Союз тоже будет стоять!

Проходившая мимо интеллигентного вида женщина неодобрительно на меня посмотрела. Небось из местной оппозиции! Не одобряет! Ну как же — отдал честь кровавому Тирану! А для меня Железный Феликс просто символ. Пусть стоит! Гнобить памятники — последнее дело. Если, конечно, это не памятник Гитлеру или Муссолини.

Подошел к черной «Волге», стоявшей на парковке возле здания, открыл дверцу, уселся на сиденье рядом с водителем:

— Поехали на студию.

Все мои водители — их теперь было трое, видимо, чтобы выстроить график, — были удивительно неразговорчивы. Максимум — пару-тройку слов за поездку, кроме «Здравствуйте» и «До свидания». То ли инструкция у них такая — не досаждать мне разговорами, то ли сами по себе молчаливые люди, а может и все сра-

зу. КГБ не любит болтунов. Они, понимаешь ли, находка для шпиона!

На студии — дым коромыслом. Богословский убежал откуда-то из боковой двери встрепанный и, как всегда, с ходу завопил:

— Давай, давай быстрее! Тебя ждем! Студия простаивает, мне уже всю плешь проели!

— Ты вот что, Никита... когда запишем, сделай мне магнитофонную запись. Семичастному доставить пред светлые очи. Он сегодня потребовал, мол, должен сам дать добро. Или не дать.

— Вот будет номер, если он еще и зарубит всю нашу работу! — усмехнулся Богословский. — Столько труда, столько хлопот...

— Не зарубит, гарантирую! — отрубил я. Богословский махнул рукой и молча потащил меня к той комнатке, где стоял микрофон и где за стеклянным окошком были видны огромные пульта со множеством фишек, назначения которых я совершенно не представляю. Да и не хочу представлять. Каждый должен делать свое дело.

Я надел наушники, передо мной на столе включилась лампа — сейчас пойдет мелодия. Я приготовился, и... понеслось!

* * *

Аносов сидел напротив меня, возле него двое мужчин, похожих на него, как братья — такие же жилистые, поджарые, как старые, но еще сильные волки. Третий с моей стороны стола — по возрасту он был им вровень, но габаритами гораздо крупнее, эдакий штангист на пенсии. Только без лишнего жира, кото-

рый обычно набирают бывшие спортсмены-тяжелотлеты. И без живота.

Я пришел в эту квартиру вечером, уже после того, как закончил запись в студии. Сегодня мы записали три песни и одну отрепетировали на завтра. С самого утра начнем, с восьми часов. Сегодня мне пришлось убить два часа на посещение Семичастного — по его требованию, так что времени на запись осталось меньше. Но тут уже некуда деваться — надо! Если тебя вызывает Председатель КГБ — бежишь на полусогнутых и не спрашиваешь — зачем и почему тебе это надо. Или ему. Хотел я этого или нет — но теперь сам являюсь комитетчиком, притом не самого низкого звания. Полковник, однако, не хухры-мухры.

Этих людей я раньше не видел — кроме Аносова, само собой разумеется. Это и были бойцы его спецгруппы, которая во время войны и после войны занималась ликвидацией врагов Родины.

— Вот, парни, это Михаил. Он будет... хмм...

— Временно буду курировать базу подготовки, — подхватил я эстафетную палочку. — Номинально это моя личная дача. На самом деле — база подготовки бойцов спецподразделения «Омега». Я обучаю вас, вы обучаете бойцов. Затем я сменю вид деятельности, и ваш командир останется командовать в одиночку. Все понятно?

— Ты... нас... обучать?! — Брюнет, чуть выше Аносова ростом, скептически усмехнулся. — Парень, да тебе сколько лет?! Чему ты можешь обучить *меня*?! Да тебя самого надо учить! Ох уж эта молодежь... бороду отрастил, чтобы солиднее, что ли, быть? Тебе еще и усы-то не по чину, а ты бороду!